

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха и портала
«Развитие и экономика»

И чувства добрые я лирой пробуждал...

Александр Пушкин

Чувства добрые

«**Ч**увства добрые» есть и ценности сами по себе, и цель разумной деятельности. Пушкин понимал это, понимали это и многие поколения русских людей, стремившихся устранить из жизни тех, которые пробуждают «чувства злые», или хотя бы их урезонить. «Чувства злые» — это алчность, жадность, зависть, эгоистичность, лживость, ненависть. Это незащищенность, безнадежность, разочарование, недоверие, отчаяние, высокомерие. Мы, к сожалению, часто бываем погружены в агрессивно-токсичную информационную среду, разъедающую чувства добрые и стимулирующую чувства злые. Задаваемая нам посредством СМИ «повестка дня», сформулированная в выпусках новостей, обладает дестабилизирующим, деструктив-

ным воздействием. Ни одно несчастье, ни одна катастрофа, ни одно преступление не будет пропущено, поскольку именно они являются «информационным поводом», привлекающим внимание зрителей, а следовательно, фактором, повышающим рейтинг и доходы. Доходы, конечно, представляются сегодня целью более важной, нежели «чувства добрые». Однако не доходы телевизионщиков и газетчиков вызывают опасение и неприятие. Опасение вызывают внедряемые посредством СМИ социальные ценности и цели, «разрыхление» общественного сознания, модификация мировоззренческой матрицы социума, ведущая к угашению все еще не истребленного стремления к социальной справедливости.

Справедливость — это прежде всего чувство. Оно либо удовлетворено, либо нет. Хищный проект глобализации, в

частности, это и предполагает: вытравить чувство социальной справедливости, а его носителей извести, как вредных насекомых, снижающих продуктивность. В глобальном экономизме нет места сантиментам, это даже не бой без правил, это подлость и алчность, обретшие институциональную форму. Понимание этого должно побуждать к твердому сопротивлению, а не к одним лишь эмоциональным рефлексиям. «Враги внешние» упорно-агрессивны, но понятны, их действия ожидаемы, как поведение кровососущих, а поэтому и не так оскорбительны, как действия своих собственных «врагов внутренних». От «своих» же терпеть всегда труднее, тем более что терпеть-то как раз ни в коем случае нельзя.

Экономизм — как опора политической стратегии — пробуждает много злых чувств, более того, он кладет их в основу того поведения человека, которое считает надлежащим, единственно верным. В России же всегда почиталось служение: служение «царю и Отечеству», «Родине», «делу просвещения», «строительству социализма»... «Служу Советскому Союзу!», «Служу Российской Федерации!» — чеканные формулы смысла деятельности *военно-служащих*. Стремление служить высоким целям, искать идеал свойственно большинству граждан. До сих пор в глубине наших сердец живы, хотя и глубоко запрятались, чувства чести, долга, братства и взаимопомощи. Они готовы пробудиться, если их позовут к общему делу, к общим целям, готовы вновь продемонстрировать огромную мощь добра, его неиссякаемый запас энергии, способной творить чудеса. Зовут нас, однако, все время не туда, и нелегко обрести ориентиры в мутной смеси идей и идеологий.

Информационное пространство, в которое мы погружены посредством всех видов СМИ, и есть та самая идеология, которой у нас якобы нет. Правильнее, конечно, говорить о множественности идеологий, подпитывающихся из разных сегментов СМИ, проповедующих разные ценности, дающих разные поведенческие установки. Некоторые из этих направлений воздействия на общественное сознание вызывают особое опасение. Коснемся двух из них — экономики и истории, — оставляя на потом, быть может, важнейшее информационное пространство — пространство культуры.

То, что в телевизионных новостях преподносится в рубрике «экономика», трудно охарактеризовать иначе, нежели преступным убожеством. Несколько раз в день по всем телеканалам

многомиллионной аудитории сообщается о динамике биржевых индексов. Зачем это делается? Ведь практически никто из слушающих не знает, что именно измеряют индексы Доу-Джонса или NASDAQ. А те, которые знают и для которых это имеет практическое значение — биржевые спекулянты, — получают эту информацию из других источников. Важно было бы знать каждому, что никакая информация о динамике биржевых индексов не имеет отношения к реальной экономике: деньги, вращающиеся на мировых биржах, практически никак не связаны ни с производством, ни с торговлей, ни со сферой услуг. В реальной экономике вращаются и ее обслуживают совсем другие, причем гораздо меньшие, деньги. Биржевые индексы, да и вообще вся деятельность бирж — дымовая завеса, ложная цель, ненужная мусорная информация, спам. А делается это — да еще на идиотском жаргоне («Токийская биржа закрылась разнонаправлено», «индексы позеленели» и т.п.) — для формирования малограмотной толпы и выработки у нее неких условных рефлексов. Подменив совершенно необходимые для граждан сведения об экономической, хозяйственной жизни страны бессмысленной болтовней об индексах и курсах валют, их напрочь выводят из сферы какого бы то ни было влияния на выработку политики. Эти псевдоэкономические новости — прямое убийство всякой демократии, любых попыток народовластия. Гражданина, который совершенно не способен судить о том, много или мало промышленной и сельскохозяйственной продукции производится в стране, много или мало ее ввозится или вывозится, можно, совершенно ничего не опасаясь, призывать к «строительству гражданского общества» — еще одной химеры, уводящей далеко в сторону от дороги к управлению собственной судьбой.

Нет, не формируют «чувства добрые» по отношению к своей стране наши экономические новости. Чтобы их формировать, чтобы вовлекать граждан в развитие страны, надо в массовых СМИ давать информацию об экономических процессах, измеряемых в натуральных показателях, ибо только они понятны и воспринимаемы каждым гражданином на уровне житейской логики и здравого смысла. И неустанно говорить о целях и результатах, к которым ведут те или иные экономические процессы.

Общественному сознанию навязываются и ложные исторические ориентиры в отношении как собственной истории, так и истории других стран и народов. Из отечественной истории

изымаются, затушевываются или «надлежащим образом» интерпретируются ее достижения, ее гордость, формируется бесконечное полотно из тиранов и палачей на фоне рабски покорного недоразвитого народа. Европейская же история предстает как пиршество достижений, как череда гениев, творящих в единении и во благо талантливых, трудолюбивых и умелых народов. Торжественная поступь прогресса прерывается лишь для преодоления зла, исходящего, как правило, «не из Европы»: разного рода варваров, диких восточных племен и деспотий.

Обе крайности являются пропагандистской ложью, живущей, однако, в массовом сознании, и жизнь этих весьма действенных мифов поддерживается с завидным упорством.

Следует бороться за собственную историю, формировать позитивный образ исторического пути народа и не оставлять без внимания любые попытки представить свою историю как историю вечного позора. Нельзя равнодушно спускать заявления типа «Сталин хуже Гитлера» — от кого бы они ни исходили, ибо не об Иосифе и Адольфе идет речь, а о русском народе и его великом подвиге. И не одного лишь подвига хотят лишит народ, а способности противостоять злу. Перефразируя Зиновьева, можно сказать, что метят в Сталина, а попадают в Россию, — это про тех, которые не понимают, что творят. Большинство же агитаторов-передовиков метят именно в Россию, используя для ее ослабления и последующей диссоциации разные имена и факты из ее истории, интерпретируя их в нужном свете.

Телевизионные посиделки с артистами и режиссерами напоминают бесконечные выступления политкаторжан перед пионерами с рассказами об ужасах того, что они пережили при проклятом царизме. Несмотря на очевидное изобилие наград и званий, полученных в советское время, несмотря на более чем благополучную жизнь, несмотря на всенародную любовь, признание, они, как китайские куклы-болванчики, чуть тронь, начинают качать головками и всплескивать лапками: ой, при царизме — пардон, при социализме — было так плохо, все до одного фильма запрещали, никакие роли не давали сыграть, все сценарии подвергались безжалостной цензуре, никого не допускали на телеэкраны и на радио! Как же им хочется побыть жертвами тоталитарного режима — «продлись, продлись, очарованье!» — вдруг за это пресмыкательство еще что-нибудь дадут? Как же быстро позабыт контрпродуктивный опыт ком-

мунистической пропаганды, рисовавшей жуткие образы «царизма» и «поповщины» дореволюционного периода, формировавшей образ «тюрьмы народов». К чему привела эта агитация и пропаганда? К полному краху. А мы хотим не краха, а расцвета, свободного развития каждого, всеобщего блага. Это желание — само по себе уже есть идеологический вектор. Идеология — порой трудноуловимая, но влиятельная, действенная реальность.

Призрак бродит по России, призрак новой идеологии. Она еще не найдена, не осознанна, не сформулирована. И от того, как скоро это произойдет, зависит судьба страны: успеет эта идеология сформироваться и начать строительство нового жизненного уклада или же прежде этого Россия пройдет точку невозврата в своем порочном попятном движении к уходу в историческое небытие?

Новую идеологию ищут — на уровне ощущений, на уровне отстаивания своих привязанностей, на уровне подражания увиденному у других, на уровне стремления победить врагов — действительных и мнимых, на уровне мести и сведения счетов, на уровне научного теоретизирования...

Огромные массы людей еще помнят времена господства коммунистической идеологии, помнят те бесспорные достижения в жизненном укладе, которого страна добилась в своем небылом и стремительном развитии, призывают вернуться к этой идеологии и вновь «рвануть вперед». Другие же, тоже помня времена коммунистической идеологии, вспоминают их с ненавистью и страхом, неустанно твердя о репрессиях, о богоборчестве, о «русификации», об уравниловке и многих других пороках и проблемах прежнего времени. Третьи призывают прекратить вообще всякие эксперименты и взять за образец чужую идеологию, внедрить ее в России, даже если для этого придется переформатировать менталитет народа, придумать ему другую историю, сформировать иные ценности.

Все эти размышления, ощущения, призывы и агитационно-организационная деятельность являются составными частями процессов формирования и борьбы идеологий. Некоторые из них имеют названия — «национализм», «исламизм», «неолиберализм», «социал-демократизм», «неонацизм» и т.д. На самом же деле в большинстве случаев названия условны, то есть не отражают сути весьма эклектичных идеологий или их прообразов. Еще менее точ-

ны политологические и журналистские ярлыки типа «правые», «левые», «демократы», «консерваторы» и т.п.

Могут ли примириться идеологические чаяния разных слоев населения или им суждено определить победителя в смертельной схватке? Может ли сформироваться общая для всех идеология или же идеология, как считал Маркс, всегда есть идеология класса, и поскольку классы пребывают в непримиримой борьбе, то и их идеологии эту борьбу отражают, сопровождают и направляют? В какой мере это верно для современной России? Можно ли сконструировать — точнее, синтезировать — идеологию, в которой бы не просто мирно уживались, а были естественными неотделимыми составными частями пока еще разведенные по разным углам базисные принципы, позволившие обеспечить невиданную экономическую эффективность и самодостаточность, ощущение единства, стабильности и правоты периода строительства социализма, религиозную и конфессиональную свободу и влияние, национальные ценностные и целевые ориентиры, не подвергающиеся при этом существенным повреждениям базисное ценностное ядро народа как единого целого? От положительного ответа на эти вопросы, от воплощения этих принципов в реальной жизненной практике зависит будущее страны и населяющих ее народов.

Но чтобы идеология не только имела, но и влияла, мало ее придумать, нужны ее носители и промоутеры. У идеологии либерализма были и есть промоутеры, сформировавшиеся в период перестройки, сплотившиеся в период приватизации и ставшие единственным интерфейсом власти в последующие годы. Их обычно называют «демократами», «либералами», «рыночниками» и т.п., с ними связывают различные политические партии. В период «управляемой демократии» именно эта «слойка» (перекличка с пресловутой марксистско-ленинской «прослойкой»), имеющая, как джокер в колоде карт, много обличей и самоназваний, рассказывала народу о власти и власти о народе, формируя не только информационное поле, но и влияя на направления принятия решений. Сейчас в этой сложной конструкции «власть» — «слойка» происходят наложившиеся друг на друга расхождения, в результате которых «слойка» «расслоилась». Часть ее — «какбы-оппозиция» — продолжает играть прежнюю музыку, другая часть застыла в ожидании новой партитуры. Прежней музыкой власть уже, вроде бы, не стремится дирижировать, к тому

же эта музыка не воспринимается позитивно большинством населения, точнее, воспринимается как та самая агрессивно-токсичная информационная среда, о которой мы говорили выше. А новой музыки пока нет, не определены и подходящие исполнители. Следует со всей ясностью осознать, что деструктивно-дестабилизирующая повестка дня неадекватна тем задачам и тем целям, которые все явственнее проявляются в словах и делах властной элиты. Но чтобы ее изменить, нужно и новое содержание, и новый контингент, способный это содержание формировать и транслировать.

Создание идеологии развития — желанная, необходимая, но труднодостижимая цель. Даже сама постановка подобного вопроса требует политической мудрости и смелости. Формулирование этой цели как задачи, решение которой несет в себе технологию обретения требуемой идеологии, является проблемой высшей сложности. А уже ее решение можно смело отнести к выработке человечеством спасительного мироустройства, чего никогда и никому прежде достичь не удавалось.

В текущем номере альманаха мы лишь приближаемся к этой теме, «ощупываем» пространство смыслов. Условная тема номера может быть сформулирована как и заглавие первой статьи: «Идеологии и ценности» (Михаил Байдаков и Сергей Белкин). В том или ином аспекте эта тема раскрывается и в других статьях, посвященных «урокам Макиавелли» (Юрий Осипов), размышлениям о «Евразии и евразийстве» (Владимир Малявин), в рассуждениях «о свободе» (Александр Разумов), в исследовании проблемы выбора, вставшего перед Католической церковью (Карен Свасьян, Александр Неклесса, Вадим Прозоров, Ольга Четверикова). Анализ моделей развития, экономических стратегий и проектов в статьях Сергея Кара-Мурзы, Владимира Батурина, Сергея Гаврилова, Виктора Гайкина также связан с поиском идеологии развития, а в интервью с нижегородским губернатором Валерием Шанцевым можно увидеть проблемы и достижения на пути практической реализации проектов регионального развития. Надеемся продолжить и углубить эту тему в последующих номерах альманаха. Мы видим свою роль не в слепой «поддержке курса» или в его отрицании, а в содействии выработке идеологии развития, внедрении ее в практическую политику, в распространении ее в общественном сознании. Надеемся, что альманах «Развитие и экономика» отвечает этим задачам.